

Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны

Кириленко Виктор Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права
Доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
intl@szags.ru

Алексеев Георгий Валерьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры правоведения
Кандидат юридических наук, доцент
intl@szags.ru

РЕФЕРАТ

Международный экстремизм стал одним из самых опасных вызовов всеобъемлющей безопасности XXI в. Идеология воинствующего экстремизма является генетическим источником терроризма и представляет существенную угрозу глобальному миру и безопасности. Агрессия со стороны экстремистских сообществ вызывает социальные последствия, сопоставимые по тяжести с операциями военного характера. Уголовно-правовой запрет пропаганды экстремизма преследует своей целью защиту прав человека, жизни и здоровья людей и является неотъемлемым элементом правовой системы развитых государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экстремизм, терроризм, уголовное право, информационная война, агрессивные операции, национальная безопасность

Kirilenko V. P., Alekseev G. V.

The Problem of Countering Violent Extremism in the Information War

Kirilenko Viktor Petrovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of International and Humanitarian Law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
Honored Lawyer of Russia
intl@szags.ru

Alekseev Georgy Valeryevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
intl@szags.ru

ABSTRACT

International extremism has become one of the most dangerous comprehensive security threats of the XXI century. The ideology of violent extremism is a genetic source of terrorism and poses a significant threat to global peace and security. Aggression of the extremist communities causes social consequences which severity is comparable to operations of a military nature. Prohibition under criminal law of extremism propaganda aimed at the protection of human rights, life and health of the people and is an integral element of the developed countries legal system.

KEYWORDS

extremism, terrorism, criminal law, information war, aggressive operations, national security

В начале XXI в. мировое сообщество столкнулось с необычайно широким распространением проявлений преступного экстремизма. Угроза экстремизма в современном мире исходит от организованных преступных группировок, разделяющих радикальные убеждения и использующих экстремистскую идеологию для достижения собственных политических целей, а также реализации откровенно преступных замыслов.

В результате глобализации угроза экстремизма в современной системе международной безопасности приобрела универсальный характер. В условиях прозрачности государственных границ и расширяющейся информационной войны многими зарубежными государствами используются экстремистские группировки в идеологической борьбе со своими противниками, что вызвало новый виток эскалации международной напряженности и глубокую озабоченность широких кругов мировой общественности, заинтересованных в устойчивом развитии международной системы [7].

В Докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций от 24 декабря 2015 г. «План действий по предупреждению воинствующего экстремизма» отмечается, что «предотвращение воинствующего экстремизма представляет собой обязанность и обязательство в соответствии с принципами и ценностями, закрепленными в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека и других международных правозащитных документах»¹. Генеральная Ассамблея ООН и Совет Безопасности ООН признали, что воинствующий экстремизм достиг таких угрожающих масштабов, что одних лишь мер, принимаемых правоохранительными органами и силами безопасности, уже недостаточно. Необходимыми компонентами любой деятельности по борьбе с угрозой воинствующего экстремизма стали укрепление верховенства права, осуществление стратегий и законов, направленных на борьбу с дискриминацией, маргинализацией и изоляцией социальных групп.

Общемировой характер проблемы экстремизма подчеркивается широким научным интересом к проблеме, как в российской юридической науке, так и за рубежом.

Глубоко анализируя проблему экстремизма в статье «Пора поставить действенный заслон информационной войне»², Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин справедливо отметил тот факт, что США, осознавая всю разрушительную силу конфликтов на почве межнациональной (межэтнической) ненависти, сделали ставку именно на этот информационный элемент. На современном уровне понимания проблемы очевидно, что подрыв идеологического фундамента СССР, в основу которого был положен принцип братства народов, также был инициирован извне и строился на приемах национальной розни [1; 2]. Нельзя не согласиться и с мерами противодействия наиболее общественно опасному радикализму, изложенными в статье А.И. Бастрыкина «Пути борьбы с экстремизмом в России» [3].

На открытии V конференции по международной безопасности в Москве в апреле 2016 г. вопросы противодействия экстремизму также нашли широкое отражение в выступлениях многих российских политических деятелей.

Как справедливо подчеркивал Секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушев, «в складывающихся условиях все более недопустима линия на достижение односторонних преимуществ, часто в ущерб другим государствам. Так, многие страны сегодня подвергаются открытому политическому и экономическому давлению, утрачивают способность к принятию самостоятельных решений. Тем самым создаются условия для смены руководства государств и реализации

¹ [Электронный ресурс]. URL: A/70/674 <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/456/24/PDF/N1545624.pdf?OpenElement> (дата обращения: 26.12.2016).

² Бастрыкин А.И. Пора поставить действенный заслон информационной войне // Коммерсантъ Власть. № 15 от 18.04.2016. С. 20 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2961578> (дата обращения: 26.12.2016).

сценариев так называемых цветных революций»¹. Министр обороны Российской Федерации С.К. Шойгу особо отмечал, что в отношении России «ведется жесткая и бескомпромиссная информационная война»². Несомненно прав и Министр иностранных дел России С.В. Лавров, когда он заявлял о том, что в настоящее время «международные отношения находятся на перепутье: либо ситуация будет развиваться в направлении расширения пространства хаоса и анархии, либо будет налаживаться коллективная работа по развязыванию конфликтных узлов, формированию отвечающей реалиям XXI в. системы глобального управления»³.

На этом тревожном фоне реакция российского государства на проявления экстремизма выглядит вполне предсказуемой и обоснованной. Отметим, что рост экстремистских настроений в мире заставил резко активизировать борьбу многих правоохранительных органов, в том числе и в России по противодействию проявлениям преступного экстремизма. (В Российской Федерации только в 2015 г. было зарегистрировано 1308 преступлений экстремистской направленности — прирост по отношению к 2014 г. составил 27,7%, в 2016 г. было зарегистрировано уже 1450 преступлений экстремистской направленности, — прирост по отношению к 2015 г. составил 9,1%)⁴. Сегодня в деле борьбы с экстремизмом нельзя допускать разобщенности в обществе, создания условий для углубления социальных противоречий, формирования экстремистских настроений.

Еще в 2007 г. Н.П. Патрушев, в то время Директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации, в статье «Особенности современных угроз и вызовов безопасности России» особо подчеркивал тот факт, что «ситуация на территории Северного Кавказа на рубеже XX–XXI вв. не была вызвана экстремистскими действиями отдельных лиц. Кризис был целенаправленно инициирован идеологами международных террористов при активной поддержке определенных политических кругов ряда зарубежных стран, заинтересованных в распаде России» [11, с. 6]. Информационная война, объявленная идеологами международного терроризма всем тем, кто разделяет традиционные ценности европейской цивилизации, должна получить решительный и адекватный ответ, основанный на правовом законе и единстве мирового сообщества.

Анализируя международную природу экстремизма, можно согласиться с позицией А.В. Петрянина в отношении определения понятия «международный экстремизм», как состояния «политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, направленной на подрыв безопасности мирового сообщества в целом, характеризующейся совершением преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма, а также транснациональной организованной преступной деятельности» [12, с. 5].

Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁵ установил законодательное

¹ Николай Патрушев: Сегодня во многих странах создаются условия для «цветных революций» [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/300042-nikolai-patrushev-segodnya-vo-mnogih-stranah-sozdayutsya> (дата обращения: 26.12.2016).

² V Московская конференция по международной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://eng.mil.ru/files/morf/MCIS2016.pdf>

³ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на V Московской конференции по международной безопасности. Москва, 27 апреля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2256120 (дата обращения: 26.12.2016).

⁴ Состояние преступности (январь–декабрь 2015 г.; январь–декабрь 2016 года) // Сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf; https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3031.

определение экстремизма, в основу которого положены такие противоправные деяния, как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни. В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за ряд деяний, подпадающих под законодательное определение экстремизма, в том числе: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ), Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), Организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), Финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ).

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» обращается особое внимание на тот факт, что «при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности судам следует обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов (основ конституционного строя, целостности и безопасности Российской Федерации), а с другой, — защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина — свободы совести и вероисповедания, свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование».

Необходимо отметить, что мотивы, которые движут преступниками-экстремистами, во многом лежат на поверхности. Сталкиваясь с несправедливостью и неизбежными жизненными трудностями, отдельные неустойчивые индивиды предпочитают бросить вызов обществу, форсировать социальные трансформации, спровоцировать агрессию по отношению к публичной власти. Эта агрессия выплескивается на улицы городов, провоцируя молодежь и другие социально активные слои населения к противоправным, антидемократическим действиям, причиняющим ущерб социальной инфраструктуре.

В юридической науке широко распространено мнение, что именно мотивы и цели превращают противоправное деяние в экстремистское преступление [13]. Как справедливо отмечает А.Г. Хлебушкин, «экстремизм — это противоправная деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений» [16]. При этом, при квалификации преступлений, следует относиться к преступлениям экстремистской направленности любые преступления, совершенные по мотивам, указанным в прим. 2 к ст. 282.1 УК РФ, а также преступления, ответственность за которые установлена стт. 280, 280.1, 282, 282.2 и 282.3 УК РФ [16].

Достаточно типично для радикалов-экстремистов, при осуществлении противоправной деятельности, легитимировать со своей стороны нарушение законодательства, апеллируя к необходимости вести борьбу за более справедливое общество, всячески прикрывая собственную разрушительную деятельность благими намерениями. В частности, после приостановления 23 марта 2017 г. Министерством юстиции Российской Федерации деятельности «Управленческого центра Свидетелей Иеговы» представители религиозного объединения «Свидетели Иеговы», при рассмотрении 5 апреля 2017 г. в Верховном суде Российской Федерации иска Минюста

о признании данной религиозной организации экстремистской и запрете ее деятельности на территории России, подали встречный иск против Минюста о признании своей организации жертвой политических репрессий. Однако Верховный суд Российской Федерации совершенно обосновано отказался его принять и запретил деятельность «Управленческого центра Свидетелей Иеговы» своим решением от 20 апреля 2017 г.¹

Вместе с разумным стремлением ряда экстремистских организаций доказать свое право на существование, современная действительность удивляет тем, что отдельные наиболее непримиримые, воинствующие экстремисты уже не пытаются скрывать свои преступные намерения и антигуманный характер своей идеологии. Если обычно проблема борьбы с экстремизмом так или иначе связана с необходимостью отграничения экстремистов от остальной политической оппозиции, то в случае воинствующего экстремизма «маски сорваны» и социальный конфликт приобретает характер открытого противостояния тем ценностям, которые признаны всем мировым сообществом на уровне Организации Объединенных Наций.

В свете актуальности проблемы правовых гарантий плюрализма и демократии, продолжает оставаться актуальным и вопрос об адекватности правового применения уголовного законодательства в каждом конкретном случае проявления экстремизма. Борьбу с экстремизмом следует строить на основе норм права, и организовать ее таким образом, чтобы наказание за совершенные преступления экстремистской направленности соответствовали реальной степени общественной опасности правонарушений и не могли быть использованы противниками в информационной войне против интересов государства. Дилемма одновременного осуществления защиты государства от преступного экстремизма и обеспечения реализации свободы слова и самовыражения актуальна не только в России. Многие государства Европейского Союза столкнулись с аналогичной проблемой. Французское законодательство стало причиной лишения депутатской неприкосновенности кандидата в президенты Франции Марин Ле Пен и уголовного расследования деятельности французского политика². В условиях информационной войны вопросом первоочередной важности представляется отграничение проявлений свободы слова от преступлений воинствующего экстремизма, которое позволит справедливо и жестко наказывать реальных преступников-экстремистов.

В целях уточнения судебного толкования понятия «экстремизм» Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 п. 8, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» был дополнен положением в соответствии с которым «при решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети, на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней». Таким образом, российская правоприменительная практика развивается в направлении более точного определения понятия «экстремизм» в отечественном законодательстве.

¹ Верховный Суд Российской Федерации. Судебная коллегия по административным делам. Первая инстанция [Электронный ресурс]. URL: АКПИ17-238 http://www.vsrfr.ru/moving_case.php?findByNember=%C0%CA%CF%C817-238 (дата обращения: 26.12.2016).

² Marine Le Pen loses immunity from prosecution over IS images [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-39141391> (дата обращения: 26.03.2016).

Во избежание правовой ситуации, при которой анализ любой утопической социальной философии или критика публичной власти будет подпадать под законодательное определение экстремизма, необходимо предельно конкретно определить объект в составе преступления «призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Ориентироваться здесь следует, на наш взгляд, на правовые документы Совета Европы, важно учитывать также и прогрессивную зарубежную практику правового противодействия преступному экстремизму.

Резолюция 1754 (2010) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Борьба с экстремизмом: достижения, недостатки и неудачи» выражает озабоченность резким ростом в Европе некоторых форм экстремизма, среди которых «самую большую озабоченность вызывают расизм и ксенофобия», кроме того, отмечается угроза «со стороны мусульманского фундаментализма». Актуализация угрозы экстремизма в Европе стала очевидным просчетом интеграционной политики Европейского Союза, которую необходимо скорректировать при реализации евразийского интеграционного проекта.

В последнее время пристальное внимание вопросам противодействия экстремизму уделяется в рамках механизма деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В 2014 г. ОБСЕ выпустило руководство «Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: подход, основанный на взаимодействии полиции с населением». В декабре 2016 г. была обнародована четвертая редакция Перечня Директивных документов и законов, принятых государствами-участниками ОБСЕ и партнерами по сотрудничеству по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму¹. Международно-правовой подход к преступлениям экстремистской направленности демонстрирует единство преступной природы актов экстремизма и терроризма.

Несомненно, важно обратить внимание на тот факт, что в официальных переводах английского термина «violent extremism» на русский язык в документах ООН используется словосочетание «воинствующий экстремизм», в то время как то же самое словосочетание в документах ОБСЕ переводится как «насильственный экстремизм». Представляется, что эти термины являются идентичными. Они выражают наиболее тяжкие преступления экстремистской направленности, подрывающие основы мира и международной безопасности, и распространяются на более широкий круг проявлений преступного экстремизма.

Анализ законодательства о противодействии экстремизму государств-членов ОБСЕ демонстрирует криминализацию проявлений экстремизма в подавляющем большинстве стран. Так, в Соединенном Королевстве Великобритании 13 апреля 2006 г. был введен в действие Акт о терроризме². Раздел 1 Акта о терроризме Соединенного Королевства Великобритании «Правонарушение, побуждающее терроризм» предполагает уголовную ответственность в соответствии с разд. 154 (1) Акта об уголовном правосудии³ за заявления, которые «прославляют совершение или подготовку (будь то в прошлом, в будущем или вообще) террористических действий или преступлений», равно как и «заявления, из которых участники определенных сообществ ожидаемо и разумно делают вывод о том, что их (экстремист-

¹ Inventory of Policy Documents and Legislation adopted by OSCE participating States and Partners for Co-operation on Countering violent extremism and radicalization that lead to terrorism (VERLT) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osce.org/secretariat/289911?download=true> (дата обращения: 26.12.2016).

² Terrorism Act. 2006. UK [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/11/section/1> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Criminal Justice Act. 2003. UK [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents> (дата обращения: 26.12.2016).

ские) замыслы прославляются как поведение, которое следует взять на вооружение и реализовать в существующих обстоятельствах». Таким образом, пропаганда терроризма и подстрекательство к совершению террористических актов приравнивается в Великобритании к соучастию в совершении террористического акта. Распространение «террористических публикаций» также считается в Великобритании экстремизмом. В соответствии с разд. 154 (1) Акта об уголовном правосудии Соединенного Королевства Великобритании наказание за подобные проявления экстремизма не может превышать 12 месяцев тюремного заключения.

Вопросы привлечения к уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности детально регламентированы в Уголовном кодексе Федеративной Республики Германия (УК ФРГ)¹. Разделы 86 и 86а УК ФРГ предусматривают уголовное наказание до трех лет лишения свободы за «распространение пропагандистских материалов неконституционных организаций» и «использование символов неконституционных организаций». Раздел 91 УК ФРГ предусматривает аналогичное наказание за подстрекательство (воодушевление) к совершению серьезного насильственного преступления против государства. Диффамация в отношении государственных органов и должностных лиц выступает в качестве объективной стороны состава преступлений разд. 90, 90а, 90б УК ФРГ, которые предусматривают максимальное наказание от 3 до 5 лет лишения свободы. «Подготовка серьезного насильственного правонарушения против государства» — тяжкое и общественно опасное преступление, предусмотренное разд. 89а, которое охватывает некоторые формы пособничества террористам и наказывается лишением свободы на срок до 10 лет.

Уголовный кодекс Французской Республики (УК ФР)² устанавливает уголовную ответственность за совершение актов терроризма в стт. 421-1-421-5 УК ФР, а также содержит отдельные составы, подпадающие под понятие преступлений экстремистской направленности, используемое в российской уголовно-правовой доктрине. В частности, стт. 412-1–412-6 УК ФР предусматривают уголовную ответственность за создание повстанческих движений и участие в их преступной деятельности. Непосредственно под определение экстремизма по российскому праву попадает состав ст. 411-11 УК ФР, которая предусматривает уголовную ответственность в форме лишения свободы на срок до семи лет за прямое подстрекательство путем обещаний, предложений, давления, угроз или насилия, к совершению любого из преступлений против интересов Французской Республики, при условии, что такое подстрекательство было неэффективным из-за обстоятельства, не зависящего от воли правонарушителя.

В Швеции уголовная ответственность за проявления экстремизма наступает при том условии, что совершение акта экстремизма повлекло за собой значительную угрозу совершения тяжкого преступления. В соответствии с разд. 7 Акта «Об уголовной ответственности за публичную провокацию, вербовку и подготовку, которые связаны с проявлениями терроризма и другими особо тяжкими преступлениями» 2010 г.³, уголовная ответственность не наступает, «если существовал только не-

¹ Strafgesetzbuch. Die Übersetzung berücksichtigt die Änderung(en) des Gesetzes durch Artikel 6 Abs. 18 des Gesetzes vom 10.10.2013 (BGBl. I S. 3799) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb> (дата обращения: 26.12.2016).

² Code pénal. Version consolidée au 4 mars 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20060701> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Act on Criminal Responsibility for Public Provocation, Recruitment and Training concerning Terrorist Offences and other Particularly Serious Crime (2010:299) Sweden [Электронный ресурс]. URL: http://www.t.government.se/contentassets/f0c331a80c244813af517a0661b8c163/2010_299-act-on-criminal-responsibility-for-public-provocation-recruitment-and-training-concerning-terrorist-offences-and-other-particularly-serious-crime.pdf (дата обращения: 26.12.2016).

значительный риск того, что деяние повлечет совершение особо тяжкого преступления, или если деяние, принимая все обстоятельства во внимание, можно считать малозначительным». В остальных случаях в Швеции преступные проявления экстремизма влекут за собой уголовную ответственность в соответствии с Уголовным кодексом Швеции¹ и Актом «Об уголовной ответственности за преступления терроризма» 2003 г.²

Уголовный кодекс Финляндии (УК Финляндии гл. 34а) устанавливает ответственность за подготовку и совершение террористических актов, а также за финансирование терроризма. Систематическое толкование разд. 5 гл. 5 УК Финляндии с положениями гл. 34а УК Финляндии позволяет на практике признавать подстрекательство к совершению террористических актов соучастием в преступлениях. Институт экстремизма не известен финскому уголовному праву, однако отдельные его проявления уголовно наказуемы. В частности, разд. 10 гл. 17 УК Финляндии устанавливает уголовную ответственность до шести месяцев лишения свободы за богохульство и нарушение Закона Финляндии «О свободе вероисповедания»³.

В соответствии со ст. 8 Закона Турции № 3713 «О борьбе с терроризмом»⁴ установлена уголовная ответственность за пропаганду против территориальной целостности государства. За устную, письменную или наглядную агитацию, направленную на нарушение территориальной целостности государства, предусмотрена уголовная ответственность от 2 до 5 лет лишения свободы. Для турецких средств массовой информации, действующих в соответствии с законом Турции № 56 «О средствах массовой информации»⁵ и опубликовавших такую экстремистскую информацию, ч. 2 ст. 8 Закона Турции № 3713 «О борьбе с терроризмом» дополнительно предусмотрен штраф, а для главного редактора установлено уголовное наказание от шести месяцев до двух лет лишения свободы.

Законодательство Португальской Республики в сфере противодействия экстремизму уделяет особое внимание противодействию финансированию террористической деятельности. Португальское законодательство по противодействию терроризму приведено в соответствие с требованиями Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)⁶. Понятие терроризма в португальском законодательстве постоянно расширяется, постепенно охватывая проявления экстремизма. Так, в частности, в Закон Португальской Республики «О противодействии терроризму» № 52/2003 от 22 августа 2003 г.⁷ в июне 2015 г. внесены изменения Законом № 60/2015, который криминализирует оправдание террористических актов и «путешествия с террористическими целями». Португальское законодательство по вопросу борьбы с терроризмом фактически рассматривает криминальные проявления экстремизма как социальные предпосылки для осуществления актов тер-

¹The Swedish Penal Code. 1962 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.se/contentassets/5315d27076c942019828d6c36521696e/swedish-penal-code.pdf> (дата обращения: 26.12.2016).

²Act on Criminal Responsibility for Terrorist Offences. Sweden. 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.se/contentassets/f84107eae6154ce19e65d64151a1b25f/act-on-criminal-responsibility-for-terrorist-offences.pdf> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Act on the Freedom of Religion (267/1922), Act on the Freedom of Religion 453/2003.

⁴ Law on the Fight against Terrorism N 3713. Turkey [Электронный ресурс]. URL: http://www.opbw.org/nat_imp/leg_reg/turkey/anti-terror.pdf (дата обращения: 26.12.2016).

⁵ Press Law N 56. Turkey.

⁶ Portugal: Report on the Observance of Standards and Codes FATF Recommendations for Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (англ. Financial Action Task Force on Money Laundering FATF).

⁷ Portugal (República Portuguesa). Law N 60/2015 of 24 June, Law N 52/2003 Law to Combat Terrorism of 22 August.

роризма. В этом контексте преступлением в смысле ст. 133 Уголовного кодекса Португальской Республики (УК ПР) является непосредственное финансирование террористической деятельности, а проявления экстремизма образуют либо пособничество в осуществлении терроризма, либо квалифицируются по ст. 240 УК ПР «Расовая и религиозная дискриминация», которая предусматривает в качестве меры наказания лишение свободы на срок от шести месяцев до пяти лет¹.

На законодательном уровне в странах Содружества Независимых Государств противодействию экстремизму также уделяется значительное внимание. В частности, в соответствии с Законом Республики Беларусь № 203-З от 4 января 2007 г. «О противодействии экстремизму» на основании решения суда может быть запрещена деятельность экстремистских организаций, а также пресечено распространение экстремистских материалов. В соответствии со ст. 361 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ)² «Призывы к действиям, направленным в ущерб внешней безопасности Республики Беларусь, ее суверенитету, территориальной неприкосновенности, национальной безопасности и обороноспособности» наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

Законом Республики Беларусь № 358-З от 20.04.2016 УК РБ дополнен тремя статьями, направленными на противодействие экстремизму. В соответствии со ст. 361.1 УК РБ создание экстремистского формирования наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет, а деяние, совершенное повторно либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, — наказывается лишением свободы на срок от шести до десяти лет. В соответствии со ст. 361.2 УК РБ финансирование деятельности экстремистского формирования наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет. Статья 361.3 УК РБ установила уголовное наказание до десяти лет лишения свободы за вербовку и обучение лиц для участия на территории иностранного государства в вооруженных конфликтах и военных действиях.

Статья 3 Закона Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» запрещает создание экстремистских организаций. В соответствии со ст. 259 Уголовного кодекса Республики Казахстан вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности наказывается лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с конфискацией имущества, а то же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего, — наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет³.

В рамках социально-экономических исследований воинствующий экстремизм отождествляется с терроризмом и особо отмечается крайне негативный экономический эффект от этих преступлений. В частности, академик В.Л. Квинт обоснованно полагает, что «современные технологии и увеличение экономической интеграции позволили доморощенным экстремистам и террористам действовать в зарубежных странах и развивать сети глобального масштаба. Это, бесспорно, один из самых отвратительных побочных продуктов ... глобальных закономерностей» [4; 5].

Новая волна терроризма и экстремизма в действительности возникла вследствие

¹ Portugal. Penal Code 1982. (Criminal Code Law № 65/98 of September 2, 1998 (Law N 83/2015), Art. 240. Racial or religious discrimination.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (действующая редакция 19.07.2016 г. Закон РБ № 407-З.) [Электронный ресурс]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения: 26.12.2016).

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252 activate_doc=2&pos=294;-8&pos2=2911;129 (дата обращения: 26.12.2016).

столкновения культур и традиций. Взгляды экстремистов не отражают политическую позицию большинства населения и производны от разобщенности, бедности и нелегальной миграции. Совершенно очевидно, что «терроризм — это социальная манифестация зла, и он требует полного уничтожения» [4, с. 2], поскольку порождает бедность и упадок благосостояния страны. Борьба с экстремизмом, порождающим терроризм, предполагает глобальную стратегию противодействия факторам, которые выявлены профессором Принстонского университета Аланом Крюгером, сформулировавшим парадокс, в соответствии с которым «необразованные, доведенные до нищеты массы не имеют склонности к участию в политических процессах с помощью легальных или нелегальных способов», вместо этого на фоне нищеты и безграмотности экстремистами становятся представители «хорошо образованных представителей среднего класса или богатых семей» [19].

Борьба с экстремизмом в значительной степени отличается от борьбы с терроризмом в части необходимого уровня жесткости публичного правового насилия, которое применяется к экстремистам и экстремистским организациям. Как справедливо полагают немецкие профессора Уве Бакес, Штеффен Кайлиц, Экарт Йессе, Рихард Штосс, большинство проявлений экстремизма носят антидемократический характер, однако их степень общественной опасности может значительно различаться [17, 20]. Экарт Йессе, в частности, выделяет жесткие (близкие к терроризму) и мягкие формы экстремизма, которые в большей степени сходны с политической оппозицией [18]. Российские ученые также отмечают антидемократическую направленность экстремизма, претензию на подмену конституционного плюрализма незаконной идеологической монополией — идеократией [14].

Как справедливо отмечает М.М. Кучерявый, «информационное противоборство, порождаемое обостряющейся конкуренцией между ведущими державами современного мира, все в большей мере распространяется на российское информационное пространство» [8] и обосновывает тезис о том, что «в ходе глобального информационного противоборства государство преследует следующие политические цели: модернизация системы национальной безопасности; защиту и продвижение национальных интересов в информационной сфере; обеспечение информационной безопасности как важного элемента национальной безопасности; укрепление международной безопасности; создание и применение отечественных высоких информационно-коммуникационных технологий» [8]. Достижение перечисленных выше целей способствует эффективному противодействию воинствующему экстремизму.

Исследования в области журналистики демонстрируют наличие острых противоречий в современной международной системе и вовлечение средств массовой информации в информационное противоборство [6]. В частности, Н.Н. Ульянова в рамках диссертационного исследования «Информационные войны в печатных СМИ на примере Косовского этнического конфликта (сравнительный анализ публикаций «Российской газеты» и «The Washington Post» 2008–2013 гг.)» убедительно доказывает тот факт, что «лингвистические и художественные приемы ведения информационных войн постоянно совершенствуются. Журналисты умело пользуются жанрами, изобразительными средствами языка, негативно окрашенной лексикой, словообразованием, применяют рефрейминг и политику «двойных стандартов» [15].

В социологических исследованиях, посвященных проблеме экстремизма, отмечается, что «информационная перегрузка, энтропия, агрессивное массово-коммуникативное воздействие на аудиторию (информационные войны, пропаганда, дезинформация, манипуляция сознанием, распространение слухов и т. д.) детерминируют духовно-нравственный кризис значительной части населения, вызывающий состояние аномии..., что является благоприятной средой для формирования установок информационного экстремизма» [9]. Судебная практика демонстрирует возникновение совершенно различных экстремистских организаций и проявлений

экстремизма на фоне существующих в российском обществе экономических проблем. В частности, мировым судьей судебного участка № 71 Центрального района г. Хабаровска гражданин России Н.В. Филиков был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280 УК РФ, объективная сторона которого состояла в том, что подсудимый неоднократно открыто размещал на страницах общедоступного интернет-форума тексты экстремистского содержания, за что ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 50 000 руб.¹ В некоторых случаях степень тяжести проявлений экстремизма настолько высока, что квалификация деятельности экстремистского сообщества осуществляется по ряду статей УК РФ в соответствии с социальными последствиями совершенных преступлений. Так, Верховный Суд Республики Северная Осетия — Алания² в приговоре от 17 мая 2012 г. по делу А.А. Даурбекова указал, что «основными задачами руководителей и участников организованного преступного сообщества (преступной организации) являлись организация и осуществление тяжких и особо тяжких преступлений в целях насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации и нарушения ее территориальной целостности, закрепленной в ч. 1 ст. 65 Конституции Российской Федерации, а также в целях воздействия на принятие решений органами власти республик ... о прекращении противодействия религиозному экстремизму (курсив наш — В.К., Г.А.) и создании условий для беспрепятственного распространения радикального ислама, и в целях воздействия на принятие решений органами государственной власти Российской Федерации о выводе субъектов северокавказского региона, в том числе республик ... из состава Российской Федерации для создания нового исламского государства с шариатской формой правления». В данном уголовном деле от преступлений конкретного экстремистского сообщества, которым руководил гражданин Российской Федерации, пострадало около 600 человек, два человека были убиты, материальный ущерб составил десятки миллионов рублей, а руководитель преступного сообщества был приговорен к 24 годам лишения свободы, при этом правовая квалификация содеянного не осуществлялась по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступление экстремистской направленности.

Одним из самых обсуждаемых стало Решение Верховного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2008 г., в соответствии с которым международное религиозное объединение «Нурджулар» признано экстремистским и было запрещено на территории Российской Федерации³. Деятельность более пятидесяти общественных организаций запрещена в России в судебном порядке по причине наличия в их деятельности и символике признаков экстремизма. Подавляющее большинство запрещенных религиозных и общественных организаций являются яркими представителями воинствующего экстремизма, а отдельные, наиболее развитые и опасные представители экстремистского сообщества продолжают свою подрывную деятельность и после судебного запрета через аффилированные структуры, на которые запрет не распространяется.

Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от

¹ Приговор по делу 1-33/2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-71-centralnogo-rajona-g-xabarovska-s/act-236065618/> (дата обращения: 26.12.2016).

² Приговор по делу 2-18/2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-severnaya-osetiya-alaniya-respublika-severnaya-osetiya-alaniya-s/act-456228065/> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Российская газета 7 мая 2008 г. № 4653 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2008/05/07/vs-reshenie-dok.html> (дата обращения: 26.12.2016).

13.10.2004 № 1313, на Министерство юстиции России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети интернет федерального списка экстремистских материалов.

В частности, запрещенная в России религиозная секта «Нурджулар» всячески пропагандирует учение турецкого исламского богослова курдского происхождения Саида Нурси. Очевидно, что финансируемая из-за рубежа пропаганда чуждых России культурных ценностей преследует своей целью ослабление российского государства, и при этом претендует на прогрессивность, научность и панисламизм. Однако и доморощенные экстремисты бывают не менее опасны. Как видно из решения Московского городского суда от 18.02.2015 № 3-15/2015 Всероссийское общественное движение «Народное ополчение имени К. Минина и Д. Пожарского» готовило насильственный захват власти, и было абсолютно обоснованно запрещено судом как экстремистское общественное движение. Отсутствие явных судебных ошибок в российской практике запрещения деятельности экстремистских организаций не означает, что всякий раз степень общественной опасности деяния тех, кто коллективно изучал «Рисале-и Нур» Саида Нурси или исповедовал конкретную религию, признанную экстремизмом, была достаточной для уголовно-правовой квалификации таких деяний, как преступлений экстремистской направленности. По нашему мнению, относительно мягкие уголовные наказания за совершение преступлений экстремистской направленности порождают эскалацию экстремизма. Отграничение административных правонарушений, связанных с осуществлением экстремистской деятельности от преступлений воинствующего экстремизма, представляется потенциальным направлением для совершенствования российского законодательства.

Значительная часть проявлений экстремизма в сложившейся международной системе — результат внешней политики США. В ряде случаев семена экстремизма аккуратно высевались американской стороной с целью давления на внешнюю политику СССР (Аль-Каида, Талибан), в других случаях экстремизм развивался при известном попустительстве США (Боко Харам, Аль-Шабаб). Вместе с тем было бы неправильно обвинять американское правительство во всех случаях проявления экстремизма в современном мире, напротив, американский народ заинтересован в международной политической стабильности. Провокация международной напряженности — результат безответственности некоторых представителей американского политического истеблишмента.

С 1984 г. на основании Акта Конгресса США в Вашингтоне функционирует государственное учреждение — Американский институт мира¹, в задачи которого входит, в том числе противодействие экстремизму в глобальном масштабе. Директор Центра противодействия воинствующему экстремизму² Американского института мира Джорджия Холмер (Georgia Holmer), демонстрируя актуальность проблематики борьбы с экстремизмом, отмечает тот факт, что «экстремистские движения, такие как ИГИЛ, Боко Харам, Талибан и Аль-Шабаб, являются топливом для нестабильности и военных конфликтов и часто именно от этих конфликтов и нестабильности такие движения и возникают. Противодействие им представляет собой сложную задачу». Американский институт мира работает для того, чтобы понять глубинные причины экстремизма, осуществляя научные исследования, подготовку практиков и политиков. Научная работа Американского института мира показала, что в области противодействия экстремизму оказался чрезвычайно широкий круг вопросов: от изучения роли женщин в противодействии экстремизму в Афганистане до исследования динамики радикализации социальных институтов в Косово.

¹ The United States Institute of Peace [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usip.org> (дата обращения: 26.12.2016).

² Countering Violent Extremism (CVE).

Широкий спектр вопросов государственной безопасности, которые затрагивает преступная экстремистская деятельность, стал причиной пристального внимания со стороны законодателя к отдельным проявлениям экстремизма. Меры административного и уголовно-правового характера оказались явно недостаточными для эффективного противодействия экстремизму. Экстремистские сообщества и организации достигли того масштаба, при котором в ответ на их угрозы и вызовы необходимы не столько меры правового характера, сколько адекватное военное реагирование. Информационная война перестала быть синонимом идеологической борьбы и проявлением информационных операций, проводимых цивилизованными народами. В начале XXI в. на горизонте мировой политики отчетливо проявились контуры военного противника, завоевывающего все новые социальные пространства губительной для всего живого экстремистской идеологией.

Аналитик Американского института мира, полковник армии США Джон Венхаус в специальном докладе «Почему молодежь присоединяется к Аль-Каиде» отмечает, что успешное противодействие воинствующему экстремизму требует системы сбалансированных подходов к безопасности, стратегий и инициатив, которые затрагивают глубинные мотивы и причины поддержки воинствующих экстремистских организаций. Эти стратегии и инициативы должны быть положены в основу дифференцированного понимания различных факторов, порождающих воинствующий экстремизм: мотивации и недовольства людей, вовлеченных в деятельность экстремистских организаций, идеологии и средств массовой информации экстремистского толка, характера конкуренции на рынке труда, в том числе социальной динамики в сфере занятости населения и отношений между конкурентами на рынке труда¹. Эта вовлеченность армии в вопросы социологии связана с характером информационной войны, которая разворачивается широким фронтом в массовом социальном сознании современного информационного общества.

Специалист в области разведывательной деятельности, генерал-лейтенант армии США Джон Шаннахан, участвуя в разработке стратегии противодействия воинствующему экстремизму, отметил, что, «как и большинство утопических движений, ИГИЛ следует по ветру перемен. Для них становится все более затруднительным вербовать новых членов, по мере того как фокус внимания смещается от расширения и изменения пространства к рутинному поддержанию статус-кво. Следовательно, лучшим решением для борьбы с ИГИЛ может стать такой подход, который позволит свести к минимуму потенциал для расширения театра их деятельности. Стратегия появления все новых кротовых нор в деле борьбы с экстремизмом может привести к дальнейшему метастазированию насильственного экстремизма. Обязательно следует сдерживать невольное формирование образа «общего врага», который разжигает гораздо большее пламя междоусобного конфликта»².

Ячейки экстремистских организаций глубоко пустили свои корни в самом сердце западной демократии. В интервью газете «Star Tribune» в ноябре 2016 г. Окружной судья США Майкл Дэвис (Michael Davis) отметил: «Все говорят про Брюссель или Париж, где есть ячейки (исламских фундаменталистов — В.К., Г.А.). У нас есть ячейка здесь в Миннеаполисе»³. Несмотря на систематические аресты исламских активистов из числа сомалийских мигрантов в Миннеаполисе, ситуация последова-

¹ Venhaus J.M. Why youth join al-Qaeda. United States Institute of Peace. Special Report. Washington DC, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/SR236Venhaus.pdf> (дата обращения: 26.12.2016).

² Shanahan John N. and others. Countering Violent Extremism Scientific Methods & Strategies. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://info.publicintelligence.net/ARL-CounteringViolentExtremism.pdf> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Terrorist cell is alive in Minneapolis, U.S. judge in ISIL case says. By Stephen Montemayor // Star Tribune. November 19. 2016.

тельно ухудшается с 2014 г. и усилия американских правоохранительных органов по пресечению деятельности экстремистских организаций имеют весьма ограниченный эффект. Фактически местное сообщество сомалийских мигрантов ведет войну с властями Миннеаполиса за право не соблюдать как законы штата Миннесота, так и федеральное законодательство США, претендуя на право жить по-своему, запугивая местное население.

Российская доктрина уголовного права также признает тот факт, что преступления воинствующего экстремизма направлены прежде всего против самого института государства. В частности, А.В. Павлинов верно отмечает тот факт, что «преступления, предусмотренные стт. 205, 208, 278, 279 УК РФ (базовые слагаемые криминального антигосударственного экстремизма), составляют единую систему объединенные критерием вооруженного масштабного насилия и едиными специфическими чертами. Это прежде всего единая направленность на выявленную охраняемую группу общественных отношений (суверенитет, единство и территориальную целостность Российской Федерации); потерпевшей стороной при совершении данных деяний выступают не только непосредственные жертвы — физические лица, население и даже не столько органы государственной власти, сколько государство в целом» [10]. Следует обратить внимание на многообразие научных подходов к феномену экстремизма в отечественном уголовном праве, которые в конечном итоге признают единство правовой природы преступлений международно-го экстремизма и терроризма.

В рамках Женевской конференции по предотвращению воинствующего экстремизма, проходившей в начале апреля 2016 г.¹, была выражена поддержка в отношении Плана действий по предупреждению воинствующего экстремизма. Основными направлениями реализации плана противодействия экстремизму стали: предотвращение экстремизма и защита прав человека, лидерство и формирование эффективных социальных институтов, вовлеченности ООН в решение всего комплекса проблем, связанных с экстремизмом. Международный воинствующий экстремизм представляет собой значительную угрозу безопасности и требует обсуждения вопроса о создании международного трибунала по преступлениям воинствующего экстремизма.

Военный характер операций по борьбе с экстремизмом заставляет поновому пункт g Резолюции (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии», который говорит о таком проявлении агрессии, как засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно военной агрессии. Опыт Сомали, Ливии, Сирийской Арабской Республики, Египта и Туниса и многих других государств показал разрушительный потенциал экстремизма как способа разрушения государственности и уничтожения, объединяющих народы социальных институтов.

Наказание виновных в совершении преступлений воинствующего экстремизма, предусмотренное ч. 2 ст. 280 УК РФ, ограничивается лишением свободы на срок до пяти лет, а также дополнительными видами наказания. Вместе с тем преступления воинствующего экстремизма — наиболее тяжкие общественно опасные деяния, направленные против интересов государства, мира и безопасности человечества. Уголовное наказание за такие преступления должно соответствовать степени общественной опасности и тяжести последствий совершенных деяний. Преступления воинствующего экстремизма предлагается относить к категории тяжких преступлений и законодательно обозначить в качестве квалифицирующих оснований провокацию возникновения международных вооруженных конфликтов.

¹ The Geneva Conference on Preventing Violent Extremism 7 and 8 April 2016.

Наказанием по этой статье должно быть более суровое — до десяти лет лишения свободы.

Общественная значимость борьбы с экстремизмом определяется теми разрушительными последствиями, которые наступают везде, где только преступные сообщества сумели объединить вокруг себя людей, недовольных политическим курсом, сплотив их ряды радикальной идеологией. Подавляющее большинство проявлений экстремизма необходимо пресекать административными мерами до того момента, когда экстремизм приобретает воинствующий, насильственный характер, становится тяжким преступлением и порождает проявления терроризма.

Литература

1. *Бастрыкин А. И.* Угрозы экстремизма и роль Следственного комитета Российской Федерации в обеспечении правовой стабильности // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 9–14.
2. *Бастрыкин А. И.* Экстремизм в России не пройдет // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 2–4.
3. *Бастрыкин А. И.* Пути борьбы с экстремизмом в России // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 2. С. 3–6.
4. *Квинт В. Л.* Терроризм и экстремизм: стратегическое негативное воздействие на экономику: открытая лекция. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2016.
5. *Квинт В. Л.* Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма // Управленческое консультирование. 2016. № 6. С. 14–25.
6. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Проблема обеспечения информационной безопасности государства в сфере распространения массовой информации // Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 21–29.
7. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Международное право и информационная безопасность государств: монография. Санкт-Петербург : СПбГИКиТ, 2016.
8. *Кучерявый М. М.* Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: автореф. дисс. ... д. п. н. СПбГУ, 2014.
9. *Мозговой В. Э.* Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: автореф. дисс. д.соц.н. Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Краснодар, 2016.
10. *Павлинов А. В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д. ю. н. Институт государства и права РАН. М., 2008.
11. *Патрушев Н. П.* Особенности современных угроз и вызовов безопасности России // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 3–12.
12. *Петрянин А. В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д. ю. н. Нижегородская академия МВД России, 2015.
13. *Поминов С. Н.* Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2007.
14. *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве : дисс ... к. ю. н. Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2009.
15. *Ульянова Н. Н.* Информационные войны в печатных СМИ на примере Косовского этнического конфликта (сравнительный анализ публикаций «Российской газеты» и «The Washington Post» 2008–2013 гг.): автореф. дисс. ... к. филол. н. Российский университет дружбы народов, 2015.
16. *Хлебушкин А. Г.* Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации : вопросы квалификации и судебная практика: монография. М. : Проспект, 2015.
17. *Backes, Uwe; Kailitz, Steffen,* eds. Ideokratien im Vergleich: Legitimation — Kooptation — Repression. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
18. *Jesse E., Lang J. P.* Die Linke — der smarte Extremismus einer deutschen Partei. München : Olzog Verlag, 2008.
19. *Krueger Alan B.* What Makes a Terrorist: Economics and the Roots of Terrorism. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2007. P. 3.
20. *Stöss S. R.* Rechtsextremismus im Wandel. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2005.

References

1. Bastrykin A. I. *Threats of extremism and a role of Investigative committee of the Russian Federation in support of legal stability* [Ugrozy ekstremizma i rol' Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii v obespechenii pravovoi stabil'nosti] // Russian journal of Law researches [Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy]. 2016. N 1 (6). P. 9–14. (rus)
2. Bastrykin A. I. *Extremism in Russia won't pass* [Ekstremizm v Rossii ne proidet] // Russian justice [Rossiiskaya yustitsiya]. 2016. N 5. P. 2–4. (rus)
3. Bastrykin A. I. *Ways of fight against extremism in Russia* [Puti bor'by s ekstremizmom v Rossii] // Bulletin of the Russian Law academy [Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii]. 2016. N 2. P. 3–6. (rus)
4. Kvint V. L. *Terrorism and extremism: strategic negative impact on economy* [Terrorizm i ekstremizm: strategicheskoe negativnoe vozdeistvie na ekonomiku]: open lecture. SPb. : NWIM of RANEPa, 2016. 32 p. (rus)
5. Kvint V. L. *Strategic Economic Influence of a Global Negative Trend of Terrorism and Extremism* [Strategicheskoe ekonomicheskoe vozdeistvie global'nogo negativnogo trenda terrorizma i ekstremizma] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 6. P. 14–25. (rus)
6. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *A problem of support of information security of the state in the sphere of distribution of mass information* [Problema obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti gosudarstva v sfere rasprostraneniya massovoi informatsii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 9. P. 21–29. (rus)
7. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *International law and information security of the states* [Mezhdunarodnoe pravo i informatsionnaya bezopasnost' gosudarstv]: monograph. St. Petersburg : St. Petersburg State University of Film and Television, 2016. 396 p. (rus)
8. Kucheryavyy M. M. *Information measurement of a policy of national security of Russia in the conditions of the modern global world* [Informatsionnoe izmerenie politiki natsional'noi bezopasnosti Rossii v usloviyakh sovremennoogo global'nogo mira]: doctoral dissertation abstract. St. Petersburg State University [SPbGU], 2014. (rus)
9. Mozgovoy V. E. *Information extremism in conditions the social and communicative of transformations of the Russian society* [Informatsionnyi ekstremizm v usloviyakh sotsiokommunikativnykh transformatsii rossiiskogo obshchestva]: doctoral dissertation abstract. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Krasnodarskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii]. Krasnodar, 2016. 30 p. (rus)
10. Pavlinov A. V. *Criminal antistate extremism: criminal and legal and criminological aspects* [Kriminal'nyi antigosudarstvennyi ekstremizm: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty]: doctoral dissertation. Institute of the State and Law of RAS [Institut gosudarstva i prava RAN]. Moscow, 2008. 584 p. (rus)
11. Patrushev N. P. *Features of the modern threats and calls of safety of Russia* [Osobennosti sovremennykh ugroz i vyzovov bezopasnosti Rossii] // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2007. N 7. P. 3–12. (rus)
12. Petryanin A. V. *Conceptual bases of counteraction to crimes of an extremist directivity: theoretical and applied research* [Kontseptual'nye osnovy protivodeistviya prestupleniyam ekstremistskoi napravlenosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie]: doctoral dissertation abstract. Nizhny Novgorod academy Ministry of Internal Affairs of Russia [Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii], 2015. (rus)
13. Pominov S. N. *Organization of activity of law-enforcement bodies in the sphere of counteraction to manifestations of religious extremism* [Organizatsiya deyatel'nosti organov vnutrennikh del v sfere protivodeistviya proyavleniyam religioznogo ekstremizma]: dissertation abstract. M., 2007. 29 p. (rus)
14. Sergun E. P. *Extremism in the Russian criminal law* [Ekstremizm v rossiiskom ugovolnom prave]: dissertation. Tambov State University named by G. R. Derzhavin. Tambov, 2009. 235 p. (rus)
15. Ulyanova N. N. *Information wars in printed media on the example of the Kosovan ethnic conflict (the comparative analysis of publications of "The Russian newspaper" and The Washington Post of 2008–2013)* [Informatsionnye voyny v pechatnykh SMI na primere Kosovskogo etnicheskogo konflikta (sravnitel'nyi analiz publikatsii «Rossiiskoi gazety» i «The Washington Post» 2008–2013 gg.)]: dissertation abstract. Russian Peoples' Friendship University [Rossiiskii universitet druzhby narodov], 2015. (rus)

16. Hlebushkin A. G. *Crimes of an extremist directivity in system of infringement of bases of the constitutional system of the Russian Federation: questions of qualification and jurisprudence* [Prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti v sisteme posyagatel'stv na osnovy konstitutsionnogo stroya Rossiiskoi Federatsii : voprosy kvalifikatsii i sudebnaya praktika]: Monograph. M. : Prospectus [Prospekt], 2015. 191 p. (rus)
17. Backes, Uwe; Kailitz, Steffen, eds. *Ideokratien im Vergleich: Legitimation – Kooptation – Repression*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
18. Jesse E., Lang J. P. *Die Linke – der smarte Extremismus einer deutschen Partei*. München : Olzog Verlag, 2008.
19. Krueger Alan B. *What Makes a Terrorist: Economics and the Roots of Terrorism*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2007. P. 3.
20. Stöss S. R. *Rechtsextremismus im Wandel*. Berlin : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2005